

КАК МЫ ГОВОРИМ, КАК МЫ ПИШЕМ

Сегодня в нашей рубрике «Как мы говорим, как мы пишем» выступает Валерий Золотухин, актер Московского театра драмы и комедии на Таганке, хорошо известный зрителям также по фильмам «Бумбараш», «На всю оставшуюся жизнь», «Сказ про то, как царь Петр арапа женил» и другим. В последние годы Валерий Золотухин проявил себя и как своеобразный прозаик — его повести «Дребезги» («Юность», №11—12, 1978), «На Исток-речушку, к детству моему» (издательство «Молодая гвардия», М. 1978) привлекли внимание читателей и критики.

— В ваших книгах обращает на себя внимание острый интерес к слову. Хотелось бы знать, какое место в вашем литературном труде занимает слово?

— Сразу оговорюсь: литератором себя не считаю, не хочу выглядеть таким изысканным стилистом. Мною так мало написано и ничего в литературе не сделано, чтобы о проблемах языка рассуждать. Я — актер, а потому — пристрастный читатель. Каждый мой день сопрячен слову — поэтическому, прозаическому, разговорному и, наконец, песенному. Судить о слове, языке могу только с этой своей колокольни.

Все споры, разговоры, защита родного языка (от кого?), на мой взгляд, — сплошная же доусобица. Читаю: один мой любимый писатель, защищая родной наш русский язык, ругает другого моего любимого писателя за этот язык. Дескать, так в деревне не говорили, не говорят, и даже цитаты приводит. В другом номере читаю ответ или продолжение дискуссии о языке — и критик бьет первого, защищая второго. И пошла писать губерния... И я вообще перестаю читать статьи под рубрикой «Как мы говорим, как мы пишем», потому что это, словами Есенина, — «Сплошные мужички войны — дерутся селом на село... то радощевы бьют криушане, то радощевы бьют криушан». Есть ли смысл, есть ли польза в этом дележе на семена и плевелы? Не уверен.

— В Распутин в предисловии к вашей книге «На Исток-речушку, к детству моему» пишет, что талант только тогда талант, когда способен на самостоятельную жизнь и самостоятельное слово. Как вы понимаете это?

— Думаю, что способность к самостоятельному слову — это чутье, которое помогает писателю из несметного числа слов языка выбрать то, которое в его устах не будет казаться чужим, неуместным. А нет чутья, никакой Даль со всеми его точными, образными, неожиданными словами не поможет.

Погожим, у Шукшина — чутье к диалогу, разговору... Тут он мастер. В диалоге — характеры... с философией, моралью, судьбами. Ему, Шукшину, некогда вроде заниматься описаниями, отступлениями. Не его это стихия. В диалогном слове все заключено. Кого-то зазвать возьмет: вот ведь память... ведь вот подслушал где-то. Поеду-ка и я туда же с блокнотом или магнитофоном, напою мужиков, запишу и выдам на-гора в родную литературу то, как народ говорит. Чуть! Я из тех же мест. Так не говорит народ.

Вернее, каждая фраза, взятая отдельно, может быть сказана безусловно. Но в том-то

Валерий ЗОЛОТУХИН

САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ СЛОВО

и сила шукшинского слова, и секрет его, а теперь и стиль шукшинского письма, что он ведет диалог характеров точных, разных, но своих, выдуманных.

Я хочу сказать, что это не подслушано и записано, хотя может быть и подслушано и записано, а это есть сочинение писателя, у которого чутье к такой форме литературной, составу языка, чутье и знание, и талант. Эти слова и образы с детства и на всю жизнь вошли в состав крови его, и он мог формально уже не ездить за ними на родину. Город определил им место, сделал слово Шукшина художественным. Кстати, в состав шукшинского словаря вошло много таких слов, которые могли к нему прицепиться только в московском троллейбусе.

— Значит бесполезно, вы считаете искать младоую русского слова в Вологде или на Алтае?

— По моему, это занятие пустое. Кладовая языка — вся Россия, вся ее духовная история. Язык один. Просто писатель с силу своего дарования отбирает то слово, которое ему необходимо.

«Опять с грохотом и страстью пронесло лед, нагромоздив на берега торосы, и Ангара освобожденно открылась, вытянувшись в могучую сверкающую течь». Почему, каждый раз открывая зачин «Матёры», я вздрагиваю, ровно по мне ток пропустили от этого — «вытянувшись в могучую сверкающую течь»? Кто так говорит? Какая старуха обронула, а Распутин поднял? Какие тут особые, неслыханные слова? Течь... нож! Так сказать может только писатель. Это точно найденное слово в конце фразы определило весь смысл и стиль ее.

Для меня в самом зачине этом уже есть густое предчувствие повествования не шустрого, но эпического, могуче-серьезного. Так же и читать надо, наверное, предупреждает меня писатель, не проглатывая книгу, а все слова выжимая, всасывая струи каждой страницы.

Прочитать, услышать можно по-разному. Думаю, что у людей, от которых зависит судьба слова в книге, на газетной

полосе, в эфире, тоже должно быть чутье языка. Потому что подчас таким перлам даем мы жизнь в эфире!

Записывали как-то песни к фильму «Инженер Прончатов». Поэт сочинил стихи, композитор — музыку, оркестр симфонический, известный дирижер дирижирует. Краснознаменный хор подпевает: я пою. Славный коллектив. Много народу. Все делом заняты. Записали, довольные друг другом, разошлись. Композитор фонограмму-дубль под мышку — и побежал на радио.

Через несколько дней звонок:

— Валерий Сергеевич, надо переписать песню с другим текстом.

— Какую?

— «Барыня-речку».

— Что такое?

Оказывается, смотрели фильм, один чиновник и сказал: «Что это за текст вы поете: «Барыня-речка... сударыня-речка... барыня-сударыня... Архаизмы какие-то. Начитались Солухина...»

И славно, величавое, лукавое обращение к реке — «барыня-речка», «сударыня-речка» — заменили на тавтологическое, ничего не говорящее: «реченька-речка», «красавица-речка». А ведь до этого текст утверждался не одной инстанцией. А каково мне было это петь сызнова, да еще с тем же раскатом, с той же волюнтерностью, с тем же настроением? И что получилось? Композитор отдал на радио и в фирму «Мелодия» первый авторский вариант. «Барыня-речка» ушла в эфир раньше, чем вышел фильм «Инженер Прончатов» — вариантом «реченька-речка».

— Если я вас правильно поняла, чутье, талант — понятие, не поддающееся расшифровке. И все-таки попробуем хотя бы предположить, как познается языком, чутье и человек начинает слышать слово? Как это было с вами?

— Наверное, это у всех по-разному. Я в детстве заболел. Три года был прикован к постели. Когда ты на костылях, а кругом жизнь бурлит, дети катаются на коньках, на лыжах, и ты во всем этом участвия не принимаешь, знаешь, что в любую минуту можешь упасть, то, вероятно, что-то происходит в организме, какая-то компенсация физических недостатков душевной, эмоциональной или умственной — словом, другой потенцией. Я не знаю, все ли это к делу, но что-то, видимо, принесло пользу, толчок к тому, что в человеке зародилась иная жизнь, внутренняя, самостоятельная, не похожая на то, чем человек живет просто в окружающей среде. Впечатления этого внутреннего мира выплавляются в слова, которые с детства услышаны. Услышаны-то услышаны, но они стилизованы уже твоим... чем, я не знаю... сердцем, чутьем... Чутьем к самостоятельному слову, как ты это можешь сказать, а не кто-то другой.

— Среди читательских писем, вам полученных, меня заинтересовало это: «Дорогой

Валерий Сергеевич! Прочла в «Юности» вашу повесть «Дребезги». Повесть — прелесть, в ней сибирский дух, Сибирью пахнет — замечательно она своей достоверностью.

Не один В. Распутин посмотрел из зрительного зала, что вы Сибиряк. Я давно и широко подозревала вас, и, выходя из кино, каждый раз вопрошала: «Где бы узнать, где узнать? Ну, дева, вылитый сибиряк этот Золотухин». Муж спрашивал: «При чем тут дева?» С раздражением отвечала: «Ты, паря, че-те пеня березовый, живем 20 лет и, язи тебя, до сих пор говора сибирского не знаешь. У нас в Сибири про таких мужиков, как ты, говорят, что они невдосоль».

Вы давно живете в городе, учились в столичном вузе, прививавшем иную манеру речи, иной словарь. Но все же остаются характер, который «никакой игрой не заиграть», и, видимо, слово, по

му говору, к природе этой. И радость твоего сопричастия этой жизни, этому делу, понимаете? Что вот я не ошибся, так оно и есть, это мое детство, мой разговор, мое счастье.

— Не всем так повезло в детстве. Видимо, оттого мы так бедны словом. Вспомни тургеневскую Лизу, она говорит Лаврецкому: «...а я так думала, что у меня, как у моей горничной Насти, СВОИХ слов нет. Она однажды сказала своему жениху: тебе должно быть скучно со мною; ты мне говоришь все такое хорошее, а у меня своих слов нету».

— Это и нынешняя наша беда. Недавно читаю у старшего сына (пишет, видимо, подражая отцу и всяким мушкетерам и «тайнственным островам»): «Джеймс начал борзеть».

— Денис, что это такое?

которому земляки вас узнают. Что дала в детстве родина».

— А я, знаете, и сейчас, когда приезжаю на Алтай, не упускаю возможности записать за отцом, матерью, братом. У меня и тетрадь специальная есть. Такие слова они находят, что, конечно, нигде так не скажут. И странная происходит вещь. Слушаешь, например, интересные речи, разговоры, споры здесь, в Москве. И жалко иногда, что нет с собой карандаша или магнитофона — записать. Старшею запомнить, но как-то не отпечатывается в голове. А тут — брат целый вечер говорит, я приезжаю в Москву и записываю все слово в слово. Слово какой-то запоминающий механизм срабатывает и заполняет тот вакуум, который у тебя уже образовался, пополняет запас, который начинает иссякать. Видимо, это — любовь. Любовь к этой интонации, к этой лексике, к это-

— Ну, папа, это такой наглый, развязный, самодовольный такой, нахал, одним словом.

— Так ты так и напиши, а то «борзеть».

— А так лучше, меньше объяснять.

И я думаю: а какое слово он оставит своим детям? Живет он в городе, далеко от той земли, которая когда-то снырядила и проодила в дорогу его отца. Был в гостях у дядьки и говорит: «Первый раз живое чучело вижу». С горечью замечаю, что речь его пестрит уличными выважениями. Чем они сменяются: яркими и образными речениями его дедов, высоким строем языка прекрасной литературы или унылым городским канцеляризмом, который культивируется всеми средствами массовой информации?

— В предисловии к повести «Дребезги» вы говорите: «Приходит... час, у каждого разный, когда тоска по исто-

нам своим, по родине, по норням, от которых случился и прожил до этого дня, становится невыносимой до сердечной боли». Только ли эта тоска заставила взяться за перо?

— Книгу я посвятил сыну. Что меня грело и двигало в моей заботе? Мне хотелось, чтобы у него была память. Думал: я расскажу ему о моем отце, когда я помру, он расскажет обо мне своим детям. Для меня формула предельно проста: когда человек помнит тех, кто был до него и передает эту память своим детям, то жизнь продолжается. Мы в этом обретаем вечность, смысл. Мне хотелось, чтобы у моих детей были святые воспоминания. У Достоевского это прекрасно: если есть хоть од-

но святое воспоминание в детстве, то его надо беречь, и оно уже спасет... — Об актерах театра говорят, что они не «декламаторы», поэтическое слово произносится со сцены, будучи проанализированным, глубоко и лично прочувствованным.

— Как осваивается слово в театре?

— В артистах, внимательных к своей профессии, чутье к слову непустозвонному воспитывают сами тексты, произносимые с подмостков театра. Но, разумеется, надо учиться чувствовать слово.

Актеры прослушивают километры пленок с записями голосов лучших советских поэтов. Не для того, чтобы передрознить манеру исполнения. А чтоб напиться из первоисточника, точнее донести до слушателя смысл и музыку стихотворения.

Поэт Владимир Высоцкий рожден театром.

Галилей Брехт, Гамлет Шек-

спира, Свидригайлов Достоевского, Хлопуша Есенина — гордость нашей горькой актерской профессии. Как он любил слова этих авторов, с каким смаком, остервенением и радостью произносил их тексты, всегда по-своему разно, вкусно, эримо... с кровью и плотью, иногда вопреки нашей пресловутой актерской органике, пошлому стремлению передрознить жизнь.

Высоцкий брал в работу самые, казалось, бросовые слова. Он их не присваивал, механически вставляя в стихи, а делал своими, заставляя их звучать по-новому, наделяя частицей себя. Речь уличная, разговорная превращалась в нем в поэзию.

Его слово многоголосое: мы слышим и голос героя, и голос Высоцкого, причем отношение поэта к герою очень неоднозначно: в нем и ирония, и горечь, и боль...

С каким неистовым вниманием вслушивался он в мои не-литературные рассказы о чудах деревенской жизни, впитывая и усваивая крестьянский словарь, подслушивая сибирский диалект и написанный синтаксис и интонацию!

— Пришло время подвести итоги. Как, по-вашему, обрести и сохранить самостоятельное слово?

— Думаю, спасение — в глубокой эмоциональной и духовной связи со своим прошлым и настоящим. Человек, осознавший себя в истории, не сможет бездумно повторять не свое, не пропущенное через себя слово.

За что мы ценим летописи? Помимо того, что это художественные произведения, они таят для нас бессмертие, бессмертие нашей Родины. У летописцев мы учимся и языку, и памяти, потому что когда говорят «без роду, без племен», то хуже и оскорбления нет. А чтоб были и род, и племя, и язык, и память — тогда это человек.

Беседу вела
Елена ЖИРКОВА

70

19 авг. 1981г

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
г. МОСКВА

19 АВГ 1981